

ЮБИЛЕЙ МАРИЭТТЫ ТИГРАНОВНЫ СТЕПАНЯНЦ. ФИЛОСОФИЯ: ВЫБОР ИЛИ СУДЬБА?

Мариэтта Степанынц

Институт философии РАН, Москва

В статье-интервью раскрывается жизненный путь крупнейшего в России специалиста по восточным философиям Мариэтты Тиграновны Степанынц. Рассматривается процесс становления ученого от обучения в Московском государственном институте международных отношений до работы в Институте философии РАН, описываются взаимоотношения с учителями и коллегами. На примере формирования философа-востоковеда показаны атмосфера и система личных и профессиональных отношений в Институте философии РАН. Указываются основные труды М.Т. Степанынц по философии Индии и Пакистана и история их создания. Особое внимание уделяется развитию компаративных исследований и участию М.Т. Степанынц в международных конференциях по сравнительной философии, отмечается ее вклад в разработку проблематики и методологии межкультурной философии, распространение и популяризацию идей межкультурной философии в России. Показано, что сравнительная и межкультурная философии способствуют преодолению европоцентризма и создают благоприятные условия для адекватного восприятия восточного типа философского мышления. Очевидно, что сейчас, в эпоху формирования полицентричного мира, значение интеркультурного философствования, признающего равноценность разнообразных точек зрения и позиций в философии, будет только нарастать. Рассматривается преподавательская деятельность М.Т. Степанынц в Дипломатической академии МИДа и в Государственном академическом университете гуманитарных наук. Отмечается ее роль в интеграции восточных философий в современное российское образовательное пространство и в стимулировании исследований по восточным философиям.

Ключевые слова: восточная философия, межкультурная философия, сравнительная философия, философия Индии, философия Пакистана, Институт философии РАН.

This interview-article explores the life of Marietta Tigranovna Stepanyants, a leading Russian expert on Eastern philosophy. It examines the scholar's development, from her studies at the Moscow State Institute of International Relations to her work at the Institute of Philosophy of the Russian Academy of Sciences, and describes her relationships with teachers and colleagues. Using the example of the development of an orientalist philosopher, the article illustrates the atmosphere and system of personal and professional relationships at the Institute of Philosophy of the Russian Academy of Sciences. M.T. Stepanyants's major works on the philosophy of India and Pakistan and the history of their creation are noted. Particular attention is given to the analysis of the development of comparative studies and the participation of M.T. Stepanyants in international conferences on comparative philosophy, noting her contribution to the development of the problems and methodology of intercultural philosophy, as well as the dissemination and popularization of intercultural philosophy approaches and ideas in Russia. It is emphasized that at present, comparative and intercultural philosophies make a great contribution to overcoming Eurocentrism and help create favorable conditions for an adequate perception of Eastern philosophical thought. It is obvious that in the era of a developing polycentric world, the importance of intercultural philosophizing, which recognizes the equivalence of different points of view and positions in philosophy, will only increase. This article examines M.T. Stepanyants's teaching at the Diplomatic Academy of the Ministry of Foreign Affairs and the State Academic University for the Humanities. Her role in integrating Eastern philosophies into contemporary Russian education and in stimulating research on Eastern philosophies is highlighted.

Keywords: Eastern philosophy, intercultural philosophy, comparative philosophy, philosophy of India, philosophy of Pakistan, Institute of Philosophy of the Russian Academy of Sciences.

В октябре 2025 г. исполнилось 90 лет выдающемуся востоковеду и философу, доктору философских наук, профессору, заслуженному деятелю науки РФ, главному научному сотруднику сектора восточных философий Института философии РАН, заведующей кафедрой философской и политической мысли Востока Государственного академического университета гуманитарных наук Мариэтте Тиграновне Степанянц.

Основные исследования М.Т. Степанянц посвящены исламской философии, а ее учебник «Восточные философии» [23] можно считать классическим обобщающим трудом по данной теме. В отечественной философии Мариэтта Тиграновна является одним из самых авторитетных специалистов по сравнительной философии, а в последние годы она успешно разрабатывает новое направление – межкультурную философию. Ее перу принадлежит первая в нашей стране монография, посвященная изучению и популяризации этого актуального философского течения [26], она получила положительную оценку специалистов [12; 15; 16]. Продолжением межкультурных исследований стала подготовленная М.Т. Степанянц коллективная монография «Сравнительная философия: от сравнительной к межкультурной

философии» [20]. Отклики и рецензии на эту работу показывают, насколько востребованным и плодотворным для современной философии является межкультурное направление [1; 9; 11; 18].

Проблематика и методология межкультурной, или интеркультурной, философии близка программе журнала «Философский полилог». Не случайно в 2020 г. в Санкт-Петербурге в рамках Международных чтений по истории русской философии состоялась конференция «Интеркультурная философия: полилог традиций» [10]. Помимо сборника трудов конференции [5], материалы докладов были опубликованы в «Философском полилоге», в том числе и статья М.Т. Степанянц «Межкультурная философия как эпоха, схваченная в мысли» [27].

Редакция журнала поздравляет Мариэтту Тиграновну с юбилеем и желает ей здоровья, творческого настроения и реализации всех научных планов. Мы обратились к Мариэтте Тиграновне с просьбой ответить на ряд вопросов и искренне признательны ей за то, что она любезно согласилась это сделать. Ниже публикуется интервью, которое, несомненно, будет интересно читателям журнала.

В судьбе нет случайностей; человек скорее создает, нежели встречает судьбу.

Л.Н. Толстой

Расскажите, пожалуйста, какие жизненные обстоятельства привели Вас к философии, какие это были годы, какие факты профессиональной биографии Вы бы хотели оживить в памяти?

В отличие от всех, кто брал у меня интервью, Вы не стали спрашивать, как и почему я выбрала профессию философа. Действительно, философия не выбор и не призвание, а моя судьба. Я родилась в армянской семье, уроженцев Ахалцихе – маленького города. В далеком прошлом здесь находилось поселение Куро-Аракской культуры (4000–2200 гг. до н.э.). Современный Ахалцихе, в пределах Грузинского царства, был основан в первой половине XII в. В 1579 г. город попал под власть Османской империи и стал центром Ахалцихской провинции Османской империи. В ходе русско-турецкой войны 1828–1829 гг. у стен Ахалцихе произошло сражение между русскими войсками и турецкой армией. В 1829 г. крепость Ахалцихе была присоединена к Российской империи. В советское время и по сей день город входит в границы Грузии, хотя большинство населения составляют армяне.

Мой отец был самым старшим из семерых детей. На сохранившейся фотографии крещения отца (1902) он на руках у бабушки, крайний слева – армянский священник. О последнем отец мне ничего не говорил. Недавно я узнала, что священник – один из двух дедов-братьев, бежавших из Турции и основавших в Ахалцихе в 1836 г. первую церковно-приходскую школу – Карапетовское училище при церкви Сурб Пркич, ставшее впоследствии самым престижным среди местных учебных заведений.

Окончив школу с отличием, мой отец против воли деда – главного в семье, решил уехать учиться в 3-ю Тбилисскую гимназию для того, чтобы получить образование на русском языке. Первые годы учебы ему пришлось жить за счет золотой цепи с крестом, которую получал при рождении каждый ребенок в семье. Нарезая цепь на куски, он продавал их и так сводил концы с концами. А через два года репетиторствовал и кормился в зажиточных семьях нерадивых учеников. Окончив гимназию с золотой медалью, он в 1927 г. переехал в Москву. Поступил в институт, но по доносу о том, что принадлежит к семье «лишенцев» – так называли тех, кто после революции был лишен избирательных прав и прав на высшее образование – был исключен из ВУЗа. Высшее образование в Плехановском Институте он получил позже, после военной службы.

Я родилась в 1935 г. и мои первые воспоминания связаны с воздушными тревогами, укрытием в бомбоубежище. Мне и другим детям нравилось играть с противогазами, а потому мы с радостью спускались в подвал соседнего подъезда. Но через несколько дней мама отказалась ходить туда: она родила мою сестренку за четыре дня до начала войны – 18 июня, а потому ей было сложно каждую ночь перебираться с грудничком в укрытие (папа был уже мобилизован). Она предпочла укрываться в кухне, окно которой выходило в арку нашего большого, с двена-

дцатью подъездами, дома близ Патриарших прудов, надеясь, что это может спасти от осколков. В июле мы уже были эвакуированы в теплушках в Новосибирск. Ехали две недели с частыми остановками, на которых мама старалась купить молоко, а главное – узнать, не окончилась ли война. Так велика была ее вера в то, что эта война закончится также быстро, как предшествующая – финская.

Первая зима была особенно сложной. Нас было четверо: бабушка, мама, двухмесячная сестренка и я. У всех, кроме малышки, пальцы покрылись фурункулами, возможно, от холода (не было отопления) и того, чем приходилось питаться. Второй год был легче. Нас спасала бабушка, которая смотрела за детьми и еще принимала заказы как «портниха», давала возможность маме заниматься «добычей» пропитания (стоянием в очередях, поездками в деревни и обменом там папиного теплого белья на мерзлую картошку, капусту, «круги» замороженного молока и т.д.). Самым большим достижением мамы стала печурка – буржуйка, которая обогревала не только нас, но и хозяев, а также погреб, в котором мы смогли на следующую зиму хранить квашенную капусту.

Мы постарались вернуться в Москву, как только получили на это разрешение. Точной даты я не помню. Но зато на всю жизнь запомнила первый салют в Москве 5 августа 1943 г. в честь освобождения от немецких оккупантов городов Орел и Белгород. Из всех подъездов дома в большой внутренний двор выбежали переполненные чувствами (даже плачущие от радости) жильцы, один из них с шестого этажа размахивал с балкона красным флагом. Этот первый салют уступает только салюту Победы 9 мая 1945 г. Мамина подруга с другом – вернувшимся с фронта героем Советского Союза, повезли нас на Красную площадь. Доехать до нее мы, конечно, не смогли. Нас остановила толпа на Тверской площади, напротив Моссовета, вытащив из машины Героя, чтобы качать его и подбрасывать вверх.

В среднюю школу пошла со второго класса, потому что до этого поступила в музыкальную школу имени Гнесиных. Мне посчастливилось застать живыми легендарных сестер Гнесиных и даже сдавать им экзамен по игре на фортепьяно за первый год обучения. В средней школе № 124 на Малой Бронной училась с удовольствием. Самыми любимыми учителями для меня были математик Федор Иванович и физик Борис Васильевич, хотя я была убеждена, что по своим пристрастиям и способностям должна получить высшее гуманитарное образование искусствоведа или востоковеда. Все планы неожиданно нарушили упомянутые выше учителя. Физик уже на первом уроке последнего года обучения попросил, чтобы каждый из нас (т.е. все девочки, поскольку в те времена было раздельное гендерное образование в школе) написал, куда намерен поступать после окончания школы. Естественно, я призналась, что хотела бы стать искусствоведом, но поскольку конкурс там чрезмерно велик, буду поступать в Институт востоковедения. Я была единственной, чей ответ возмутил Борис Васильевич. Он меня вызвал на беседу, во время которой, сказал, что не ожидал от меня столь глупого решения, когда жизнь требует не гуманитариев, а более всего физиков. Он даже вызвал маму, чтобы объяснить ей ошибочность принятого в семье решения. Вслед за этим последовал разговор с

Федором Ивановичем, который пригласил меня для этого домой, чтобы познакомить с сыном, окончившим Бауманку (Московский государственный технический университет им. Н.Э. Баумана), и вместе с ним убеждать в важности получения высшего научно-технического образования. К советам учителей активно подключились мои друзья. Мальчики-однолетки, все без исключения намерены были поступать на физфак.

Так впервые в мою жизнь включился фактор судьбы. Сработал он весьма причудливым образом. Сначала было «крушение» планов – поражение. В последний год учебы в школе я упорно готовилась к физфаку МГУ. Получила Золотую медаль, что дало мне право поступления без экзаменов, пройдя лишь собеседование. Правда, когда я сдавал на Моховой документы, ребята из приемной комиссии поинтересовались, есть ли у меня «блат». Я возмутилось столь недоверчивому и неуважительному к себе отношению. Но мне объяснили, что на факультет принимают преимущественно мальчиков. На собеседовании задавали вопросы, на смекалку хорошо владеющего физическими знаниями. Я полагала, что оно прошло успешно. Но, через неделю получила открытку: приемная комиссия уведомляла, что я не прошла собеседование!!! Решила поступать на вечернее обучение. Но выяснила, что на физфаке такого нет, зато есть на мехмате, хотя поступать на него можно лишь в следующем году. Мое решение встретило сопротивление родителей. Они и так с большим трудом смирились с моим отказом от гуманитарного образования. Мама уговаривала попробовать поступить в Институт востоковедения. Как назло, я после последнего выпускного экзамена простудилась. Осложнение привело к сильным головным болям. Все вместе это «смирило» меня, и, пройдя успешно собеседование, а также экзамен по английскому языку, я поступила в Московский Институт востоковедения на индийское отделение.

Расскажите, пожалуйста, о Ваших учителях, которые повлияли на формирование Ваших взглядов, выбор научных интересов, жизненную позицию.

В 1953 г., когда я поступила в МИВ, он был расположен в Ростокинском проезде, куда переехал в 1943 г. из своего исторического здания в Армянском переулке, где в наши дни расположено Армянское посольство, во дворе которого сохранился памятник основателям Института восточных языков – семье Лазаревых. Планы по созданию особого училища для армянских детей вынашивались еще в XVIII – начале XIX в. Свою историю институт ведет с завещания Ивана Лазаревича Лазарева (4 января 1800 г.) об основании армянского училища на оставленные им средства. В 1815 г. состоялся первый набор слушателей. Воспитанники могли быть любой национальности. Среди них преобладали армяне. Обучение было платным, каждый год набирали 40 воспитанников из неимущих семей. С них плату не брали. 14 октября 1834 г. император Николай I посетил Институт и даровал ему права и преимущества правительственных заведений. В 1848 г. Лазаревский институт становится лицеем – учебным заведением 1 разряда. Введено шестилетнее гимназическое обучение. Сохранено Духовное отделение, а также отделения для подготовки воспитанников к торговой деятельности и службе в Закавказском крае. Тогда же вво-

дится специальный двухгодичный курс для изучения восточных языков и литературы (арабский, персидский, турецкий, армянский, татарский и грузинский). С 1871 г. начинается развитие научно-исследовательской деятельности. Преподаватели Института занимаются подготовкой учебных пособий, монографий по востоковедению. Уже в первые десятилетия существования институт привлекал к себе внимание известных писателей и ученых того времени. Достаточно сказать, что его в свое время посетили А. Гумбольдт, В.А. Жуковский, Н.И. Гнедич, П.А. Вяземский, А.С. Грибоедов, А.С. Пушкин.

Понятно, что дух такого учебного заведения не мог не захватить меня. Я активно включилась в учебу и общественную жизнь. Вернувшись с летних каникул, была потрясена чудовищной новостью: 1 июля 1954 г. Совет министров СССР принял постановление «Об упорядочении подготовки специалистов по международным отношениям, а также по филологии и истории стран зарубежного Востока». Треть студентов получила право на продолжение учебы в МГИМО. Все остальные студенты имели возможность поступить на первый курс любого другого ВУЗа.

Ошибочность правительственного решения вскоре была открыто признана. Выступая на XX съезде КПСС (февраль 1956 г.), первый заместитель председателя Совета министров СССР А.И. Микоян признал: «Трудно понять... ликвидацию просуществовавшего 139 лет Московского института востоковедения, да еще как раз в тот период, когда наши связи с Востоком растут и крепнут, когда с расширением экономических, политических, культурных связей со странами Востока неизмеримо повысился интерес к ним у советской общественности, возросла потребность в людях, знающих экономику, культуру восточных стран» [50, с. 324]. В том же году был создан Институт восточных языков при Московском государственном университете.

Мне посчастливилось быть переведенной на восточный факультет в МГИМО. Шесть лет учебы позволили получить фундаментальное востоковедное образование. На индийском отделении были три языковые группы: хинди, урду и бенгали. Я училась во второй, а потому на протяжении всех лет обучения имела 14 часов в неделю для изучения урду – языка мусульман Индии и Пакистана. По собственному желанию, факультативно изучала хинди. Все индологи слушали расширенные курсы по индийской истории, географии, экономике, государственному устройству, политике и литературе. Станным образом, в программу не были включены религия и философия. В программу обучения входило написание курсовых работ на 3–5 курсах обучения (соответственно, по истории, экономике и литературе), а на 6 курсе – производственная полугодовая практики (часто зарубежная) и защита диплома. Подготовка курсовых была первой пробой научного исследования, качество которого зависело во многом от научного руководителя. Моими наставниками были историк Людмила Иеронимовна Юревич, экономист Александр Иосифович Медовой и филолог-литературовед, будущий академик Евгений Петрович Челышев.

Первая из курсовых была посвящена Махатме Ганди. Ни Л.И. Юревич, ни я сама не думали, что работа получится скорее философской, чем

исторической. Отношение к Ганди в отечественной научной литературе свидетельствовало об искаженном толковании его идей. Приведу лишь один пример. В «Малой советской энциклопедии» в статье, автором которой был наиболее авторитетный по тому времени советский специалист по новой и новейшей истории Индии, говорилось: «Отказ Ганди от применения революционного насилия и открытый переход его на сторону помещиков против крестьян повлек за собой потерю прежней популярности Ганди в массах... за чем последовал и его арест (1922). Теперь Ганди не имеет прежнего влияния, т.к. он больше не нужен ни национальной буржуазии, пошедшей на открытую сделку с Англией, ни массам, потерявшим веру в Ганди» [17, с. 383]. Такова была несправедливая оценка Ганди, которого индийцы нарекли Махатмой – «Великой душой», «Отцом нации»!

Я писала курсовую в 1955–1956 гг., т.е. когда гандизм еще не был «оправдан». Решила попробовать прочитать как можно больше самого Ганди. К счастью, его статьи в газетах и журналах нашлись в Ленинской библиотеке. Научный руководитель была удовлетворена курсовой и решила направить ее на городской конкурс студенческих работ. Однако руководство МГИМО не одобрило этого решения и посоветовало проявить большую осторожность. Через два года, в мое отсутствие (стажировка в Индии), я невольно оказалась виновницей большой неприятности для Л.И. Юревич. При очередной аттестации она была уволена. Подлинной, но скрываемой причиной тому оказалась упомянутая выше курсовая. Об этом я узнала, вернувшись из Индии и посетив больную Людмилу Иеронимовну. Ее пригласили на работу в редакцию издательства «Восточной литературы» Академии наук, где она проработала до конца жизни, и мы оставались с ней в добрых отношениях.

Забегая вперед, признаюсь, что к Ганди я неоднократно возвращалась позже. Впервые повод к тому дал конфликт, который приобрел в 1987–1988 гг. открытую форму межнациональной конфронтации между Арменией и Азербайджаном. Резня, изгнание из родных мест, десятки тысяч беженцев – все это потрясло меня столь сильно, что я решила обратиться к одному из ответственных сотрудников ЦК КПСС, с которым дружила в годы учебы в МГИМО, с вопросом: почему центральные власти не принимают меры для предотвращения насилия и кровопролития? Мне было сказано, «пусть выпустят кровь обе стороны, ведомые своими национальными элитами». Вот тогда я и решила обратиться вновь к Ганди и тому примеру мудрости и мужества, который он демонстрировал в противостоянии кровавому конфликту индусов и мусульман, от которого в конечном счете погиб, будучи расстрелянным 30 января 1948 г. индусскими националистами.

Чтобы более адекватно, чем в годы студенчества, воспринять философское кредо гандистского ненасилия решила поработать с архивами в Мемориальной библиотеке Ганди на месте его убийства. Мне это удалось благодаря индийским друзьям, с которыми я поддерживала связь в течение многих лет. Первым результатом стала статья, которую я намеренно решила опубликовать в журнале «Коммунист» – «Философия ненасилия. Размышления о Ганди и его экспериментах» [31]. Позже,

вплоть до наших дней, я публиковала книги, множество статей в России и Индии, многократно выступала на мемориальных событиях в обеих странах. Со сменой политического курса партии Индийского Национального конгресса, т.е. секулярной политики Махатмы Ганди – Джавахарлала Неру – Индиры Ганди, и приходом к власти «Бхаратия джаната парти», наследницы религиозной националистической партии «Джана сангх», запрещенной после расстрела ее членами Ганди, я неоднократно писала статьи с критикой тех, кто предал забвению гандизм.

Окончила МГИМО в 1959 г. Последнюю курсовую и диплом писала по литературе: о творчестве мастера короткого рассказа С.Х. Манто, которого в Индии называли Чеховым на языке урду. Свои переводы, а затем большую статью опубликовала (это была моя первая научная публикация) [29]. Когда пришло время распределения, я твердо решила не идти в аспирантуру. Хотелось попробовать себя на практике, в каком-то виде деятельности, близком к дипломатической. Но, гендерный фактор сыграл свою роль, как и в прошлом при поступлении в ВУЗ. Комиссия по распределению предложила мне работу на радио (во время учебы я подрабатывал в индийской редакции вещания на урду) или в академическом Институте философии. Но меня не устраивало ни то, ни другое. Я пришла посоветоваться к ректору – Федору Даниловичу Рыженко, чтобы выяснить, почему меня распределяют в Институт философии? Ректор читал у нас курс по марксизму, пользовался среди студентов уважением и доверием. Меня он знал по учебе и по работе в комитете комсомола. Кстати, готовя данное интервью, я неоднократно заглядывала в Интернет, чтобы уточнять приводимые мной данные. Это позволило мне получить некоторые сведения о Ф.Д. Рыженко. После МГИМО с 1963 г. он был ректором Института общественных наук при ЦК КПСС, но в 1975 г. был уволен заведующим Международным отделом ЦК КПСС Б.Н. Пономаревым. В той же интернетовской статье сказано: «Ф.Д. Рыженко отличался нестандартным мышлением. В КГБ его дело (включая доносы на него) было настолько объемным, что когда его востребовали, то содержащиеся в нем материалы надо было возить на тележке».

Ректор посоветовал не огорчаться, а считать, что мне «очень повезло», потому что работать в Институте философии – мечта выпускников философских факультетов. Он заверил, что, если этот выбор не понравится, меня возьмут в любую из трех аспирантур (по индийской истории, экономике и литературе). Мы договорились, что в конце сентября 1959 г. я сообщу о своих делах. Федор Данилович оказался прав – мне очень повезло!

Расскажите, пожалуйста, о Ваших наставниках и коллегах, которые повлияли на формирование Ваших взглядов, выбор научных интересов, жизненную позицию.

В 1958 г. Институт философии начал набор кадров из числа выпускников Восточного факультета МГИМО. Сотрудниками ИФ стали синолог Эдуард Аносович Баталов и корейист Анатолий Михайлович Ушков, а в 1959 г. – индолог – автор настоящей статьи. Тогда же востоковедная группа пополнилась выпускниками Института востоковедения: арабистом Артуром Владимировичем Сагадеевым и китаистом Вадимом Геор-

гиевичем Буровым, после окончания им аспирантуры Института философии. Сектор научной информации (руководитель Е.Д. Модржинская) формировался преимущественно за счет молодых кадров. Сидели мы в большой комнате рядом с залом заседаний Ученых советов на пятом этаже. Нас было, кажется, не менее тридцати человек. А потому было тесно, сидели локоть к локтю за маленькими столами, наподобие парт, расположенными в три ряда по вертикали аудитории.

Волхонка 14 для нас, выпускников МГИМО, стала вторым университетом. Ускоренному усвоению философских курсов благоприятствовал сложившийся в Институте режим работы, устанавливавший шестидневную рабочую неделю (т.е. с одним выходным) с восьмичасовым рабочим днем. Только в 1967 г. ввели неделю с двумя выходными днями. Режим строго соблюдался, приход на работу и уход с нее фиксировались на проходной. Может показаться странным, что наше поколение столь жесткий режим работы кое в чем устраивал. Многие жили в коммуналках, в семейной тесноте, а зачастую в съемных комнатах или углах. Зарплаты были скромные, так что посещать кафе, а тем более рестораны, можно было лишь по особым случаям – в связи празднованием защит диссертаций.

В нашем «университете» занятия были внеаудиторные, неупорядоченные, с произвольным составом учащихся и наставников. В таком режиме было большое преимущество: свобода общаться, с кем хочешь; говорить о том, что тебя волнует и интересует; уважать и любить по собственному выбору ума, души и совести. Почти часовое стояние в очереди в столовую позволяло расширять круг общения. Так мы могли познакомиться со сверстниками из других секторов, область профессиональных интересов которых была иной, чем наша, но с которыми мы были родственны по духу. Для меня особенно дорогой стала дружба с историками философии Нелли Мотрошиловой и Ирочкой Балакиной (защитившей кандидатскую диссертацию по философии Н. Бердяева и вскоре трагически ушедшей из жизни); с психологами Ксаной Славской и Андреем Брушлинским; с философами науки Игорем Акчуриным и Вадимом Казютиным; эпистемологом Владиславом Лекторским и логиком Вадимом Садовским.

Возрастной и интеллектуальный разрыв несколько сужался в агитпоходах. То были замечательные выезды философов и экономистов (мы тогда работали в одном здании) в удаленные деревни Московской области. Участники похода выполняли различные функции. Одни выступали с лекциями в сельском клубе, другие выпускали стенные газеты, третьи – участвовали в самодеятельных концертах. Лекторами чаще всего были старшие из нас; при подготовке газет главную роль играли мастера карикатуры Саша Зиновьев и Эвальд Васильевич Ильенков; в концертах принимал участие «молодняк». Я пела в небольшом женском хоре и танцевала индийский танец.

Помимо агитпоходов, были еще и лыжные походы, в более узком составе, преимущественно из числа сотрудников сектора научной информации. Их основными участниками были Олег Дробницкий, Тамара Кузьмина, Нина Юлина, Вадим Садовский, Аза Зыкова, Мара Степанянц. В течение последующих лет к нам присоединились Ира Вдовина (с мужем и

дочкой, которую они возили за собой на санках), Коля Лапин (будущий Директор). Не берусь с уверенностью сказать, что для нас было самым главным пройти по лыжне сквозь замечательно густой лес или провести за самоваром не менее трех часов в горячих спорах и задушевных разговорах. Для меня второе было самым важным. Говорили о философии, политике, классической и современной литературе и т.д. Особенно памятные споры вокруг «Братьев Карамазовых», «Бесов», «Мастера и Маргариты». Из сказанного выше можно представить творческую, жизнерадостную, дружескую атмосферу, царившую в среде институтской молодежи. И еще в ней витал естественный для юности дух влюбленности! Все это позволяло отгородиться от чуждого нам фальшивого и безнравственного.

Как происходило Ваше научное самоопределение?

До пятидесятых годов XX столетия отечественная философия оставалась преимущественно европоцентристской. Напомню, что Восток упоминался в первом советском издании по истории философии более чем в урезанном виде. В нем вообще отсутствуют упоминания о Китае и Индии. Только в третьей главе раздела «Книга II. Философия феодального общества» говорится об арабском мире. Примечательно, что при этом отмечается (позднее преданный забвению) факт того, что «в VIII–IX вв., в то время как культурное развитие Западной Европы находилось на крайне низком уровне, на Востоке расцветала мощная и своеобразная арабская культура, которая... своеобразно синтезировала и развивала культуру древнего Востока и античного мира (в особенности периода эллинизма)» [6, с. 432–433]. В шестидесятые годы трехтомник, который многие называли «Серой лошадью» (по цвету обложек) считался каноническим, о чем свидетельствуют библиографические данные первого издания первых двух томов [6]. Планировалась семитомная история философии, однако после выхода третьего тома, посвященного «философии периода победы и утверждения капитализма (первая половина XIX века)», издание было приостановлено. Но даже если бы в свет вышли остальные четыре тома, в них не предусматривалось говорить о восточных философских традициях. Подобное отношение к философской мысли означало, что в вузовском преподавании и в академической исследовательской деятельности ее изучение не считалось необходимым. Оправдания тому, безусловно, нет, но объяснить можно.

Доминировавшая в мире до середины XX в. колониальная система, определяла отношение метрополий к колониальным и зависимым народам. Их считали «варварами», исходя из высокомерной убежденности в том, что только Запад – цивилизация. Соответственным было отношение к культуре и, в частности, к философии за пределами западного мира. Широко тиражируемой повсюду оценкой «восточной философии» стал «приговор», данный Гегелем в знаменитых «Лекциях по истории философии». В них, в частности, говорилось, что так называемая восточная философия «представляет собой нечто предварительное» по отношению к «истинной философии» [49, с. 160]. Позже, ознакомившись со статьями известного английского востоковеда Генри Томаса Колбрука, посвященным индийской философии, Гегель вносит изменение к изданию 1829–1830 гг. и добавляет сноску к странице 331 [51]. В ней сказано, что вос-

точную философию можно считать «предварительной, как *предпосылку* [выделено мной. – М.С.] к философии». А потому «начинать историю философии следует только с греческой философии... Для нас истинная философия начинается только в Греции» [39, с. 97–98].

Развал колониальной системы состоялся вскоре после окончания Второй мировой войны. На арену международной политики одна за другой стали выходить ранее колониальные и зависимые страны. Метрополии, а следуя их примеру и западный мир в целом, вынуждены были пересмотреть свои отношения с ними не только в области политики, экономики, но и культуры. Первоначально «пересмотр» не имел радикального характера: европоцентризм не был отброшен. И все же определенные шаги были сделаны. Инициативу проявили США. Обделенные колониальными владениями, американцы реалистично оценивали обстановку и понимали, что отодвинуть на задний план европейских союзников отчасти поможет переформатирование отношений с Востоком посредством налаживания с ним культурного диалога. Гавайи представляли стратегически наиболее перспективное место для институционального оформления философской компаративистики. Географически острова находятся в центре Тихого океана, фактически между Западом и Востоком; большинство их жителей азиаты, главным образом из числа японцев и китайцев; Гавайский университет в Гонолулу – ведущий среди американских университетов центр востоковедения. В 1939 г. при финансовой поддержке Госдепа США и крупнейших Фондов Форда и Рокфеллера им была организована первая Конференция философов Востока и Запада, положившая начало регулярному проведению компаративистских конференций с участием видных философов из разных регионов мира. Вслед за двумя конференциями в 1951 г. состоялось учреждение первого международного квартального журнала «Философия Восток-Запад» (Гонолулу), который приобрел и продолжает сохранять статус самого авторитетного периодического издания по сравнительной философии.

Поначалу философы-компаративисты не преследовали цель наладить диалог на равных. И все же, само вступление в диалог означало признание причастности других, прежде всего азиатских философов, к мировому историко-философскому процессу. Позже, от стереотипного дихотомического подхода, при котором философия на Востоке рассматривалась как прямая противоположность «истинной» – западной философии, наметился постепенный переход к взаимно уважительным отношениям и признанию перспективности выхода на межкультурный метод философствования.

Следует признать, что при всех особенностях исторического развития, культурной специфики и ментальности, российская философия в отношении к духовному наследию Востока следовала в русле Запада. Сказывалось значительно более позднее, чем в Европе, появление в нашей стране философского образования. Только в 1724 г., следуя совету Г. Лейбница, Петр I издал указ о начале преподавания философии в Академическом университете при Петербургской Академии наук. С 1755 г. философию стали преподавать в Московском университете. Среди преподавателей преобладали иностранные профессора, преимущественно

немецкие. Самыми распространенными были учебники по философии вольфианцев Ф.Х. Баумейстера и И.Г. Винклера. Расцвет русской философии наблюдался в годы, предшествовавшие Октябрьской революции. Хотя власти продолжали проявлять осторожность и предписывали обучать истории философских систем критически, давая им оценку с точки зрения идеологии и религии, профессура представляла историю философии в ее многообразии. Тем не менее, восточным философиям по-прежнему места не находилось. Парадоксальное сочетание европоцентризма с политическим интернационализмом не смущало советских идеологов своей логической несовместимостью. Только прагматичный расчет побудил их приступить к подготовке истории всемирной философии. Политическое руководство СССР не меньше, чем властные элиты западных союзников, осознали необходимость участия в геополитическом переделе мира. От объединения пролетариев всех стран надо было переходить к более реалистичной и перспективной политике – к налаживанию диалога и сотрудничества с молодыми суверенными государствами. Полагаю, что именно такой была мотивация подготовки нового издания истории философии, анонсированной как история «всех времен и народов». Однако для реализации столь масштабного проекта одного желания было недостаточно: в Институте философии – в главном академическом философском центре страны – отсутствовали необходимые научные кадры.

В 1958 г. была создана Группа по истории философии стран Востока в секторе истории философии Института философии АН СССР в составе: Ян Хиншун, Н.Г. Сенин, С.Н. Григорян, Н.П. Аникеев, Я.Б. Радულ-Затуловский. Ее возглавил Ян Хиншун. То был первый шаг к организации сектора восточных философий. В 1960 г. «в связи с необходимостью дальнейшего укрепления связей с жизнью, изучения новых процессов, происходящих как внутри нашей страны, так и на международной арене, особенно в странах Востока», восточная группа была преобразована в Сектор философии и социологии стран Востока (Приказ по Институту № 267 от 06.08.60), в нее были переведены принятые с 1958 г. востоковедные кадры из сектора научной информации. Перед сотрудниками была поставлена задача «изучения истории философской и общественно-политической мысли народов Востока и современных идеологических течений, критики буржуазных концепций развития духовной культуры народов Востока, исследования исторического опыта и теоретических основ национально-освободительного движения и разоблачения идеологии колониализма, обобщения теории и практики строительства социализма в народно-демократических странах Востока, а также издания на русском языке памятников восточной философии» [АРАН. 1922. 1.996, л. 43; 1922. 1.1019, л. 95–96]. Главной задачей стало участие в подготовке разделов по странам Востока для шеститомной «Истории философии» (М., Издательство АН СССР, 1957–1966).

Поступив на работу в Институт философии в 1958–1959 гг., востоковеды к этому времени стали аспирантами заочной аспирантуры. 1961 г. был для меня рубежом с точки зрения внутреннего взросления. В этот год я сдала кандидатский минимум, во многом благодаря большой роли в подготовке к экзаменам Вадима Садовского, помогавшего в освоении ис-

тории философии. Тема диссертационного исследования утверждалась с учетом моего базового образования индолога с углубленным изучением языка урду. При формулировке темы принимались во внимание те должностные обязанности, которые возлагались на меня в связи с подготовкой VI тома «Истории философии». Учитывалась и общая направленность исследований по зарубежной философии, вменяющая обязательную критику с позиций марксизма-ленинизма. Словом, тема звучала следующим образом: «Критика официальной концепции “исламского среднего пути” развития в Пакистане». Научным руководителем был назначен член-корреспондент АН СССР Михаил Трифонович Иовчук. Видимо, решение назначить его определялось тем, что зав. сектором С.Н. Григорян не был к тому времени доктором наук.

1961 год был знаменателен для меня также тем, что я дважды выезжала в зарубежные командировки, что было для таких молодых, как я, безусловно, событием исключительным. В январе в составе институтской делегации (Е.В. Шорохова и В.С. Семенов) я приняла участие в работе VIII Пакистанского философского конгресса в Карачи. Для меня это был подарок судьбы: впервые иметь возможность использовать свои знания языка урду, познакомиться с тем, что в реальности представляет Пакистан и его философы. В делегации моя роль официально сводилась к роли переводчика. Но я осмелилась подготовить доклад об изучении философии Востока на языке урду, который тогда был у меня в отличной форме. Для пакистанцев выступление иностранца на их родном языке было неожиданным и особенно радостным. В результате, меня окружили необыкновенным вниманием не только ординарные пакистанские коллеги, но даже Президент Пакистанского философского конгресса, ученый с мировым именем профессор Мухаммед Шариф. Он первый, кто ввел в научный оборот концепт «мусульманская философия». Самым прославленным его трудом стала двухтомная «История мусульманской философии» [10]. Пакистанские философы одарили меня множеством книг, поместившихся в два больших фанерных ящика.

Следующим памятным событием 1961 г. можно считать августовскую месячную командировку в США для участия в международном семинаре в городке Поукипси (Poughkeepsie) штата Нью-Йорк [37]. Приглашение поступило в Советский Комитет молодежных организаций (КМО) от Американского Совета квакеров, известных как последовательные пацифисты и активные борцы за мир. Сам семинар длился две недели, а затем его участников (около 40 человек) разделили на группы из двух-трех человек и направили в различные штаты. Я входила в группу с Джоном Рокфеллером (позже сенатором США) и нигерийским студентом из Кембриджа (фамилию не помню). Нас направили в южный штат Северная Каролина. От Института философии в советскую делегацию входили будущий академик РАН Л.Н. Митрохин (1930–2005). Он стал сотрудником Института философии на год раньше меня – в 1958 г. в должности младшего научного сотрудника сектора научного атеизма. С 1961 по 1963 г. он работал в ЦК ВЛКСМ. Полагаю, что в состав делегации меня могли включить по его рекомендации, поскольку мы дружили, вместе участвовали в колхозных агитпоходах и т.п. По договоренности с

квакерами, американская и советская делегации должны были состоять из 14 человек (включая двух девушек). В ЦК ВЛКСМ мне было сказано, что я буду представлять одновременно советскую научную интеллигенцию, женщин и нацменьшинства – армян. Другой делегаткой была социолог из Литвы. Поездка была чрезвычайно содержательной и поучительной. Однако мое сообщение о состоявшемся семинаре перед сотрудниками сектора научной информации было оценено председательствовавшей Е.Д. Модржинской как свидетельство «идейной незрелости». Оно проявилось, по ее мнению, в некритической оценке пацифизма и непонимании реакционной роли религии, в частности, квакерства.

В июле 1961 г. я вышла замуж за Сашу Сыродеева, с которым была знакома еще по учебе в МГИМО. Он был старше меня на восемь лет, поступил в Институт после семи с половиной лет службы в военно-морском флоте, принимая участие в боевых действиях и командуя тральщиком морских мин в водах Балтики. Мое замужество было воспринято вузовскими преподавателями и сокурсниками с удивлением. Мне говорили, что никто не ожидал такого выбора. Почему-то предполагали, что моим избранник станет один из преуспевающих поклонников. Но я на протяжении 52 лет нашей совместной жизни верила, что судьба подсказал мне счастливый выбор. Во время прохождения полугодовой практики в Индии я смогла с ним познакомиться ближе и понять, что встретила человека редкого благородства, честности и альтруизма.

Полтора года в Индии были максимально использованы для сбора материалов по диссертации и для подготовки первых публикаций. Защита состоялась в 1963 г. Хотя итог ее был успешным, пришлось здорово переволноваться. Виной тому было неординарное поведение М.Т. Иовчука. Войдя в зал заседаний Ученого совета, он сразу громогласно заявил, что защита отменяется, поскольку ему не соизволили прислать автореферат. Ученый Секретарь заверила, что собственноручно направляла ему автореферат и привела доказательства. Воинственно настроенный Председатель в конечном итоге согласился провести защиту. Не знаю, слышал ли М.Т. Иовчук, что говорил искатель и оппоненты? Все заседание он безотрывно листал диссертацию и что-то в ней подчеркивал. В заключении взял слово.... И о чудо! Из его уст полилась хвалебная речь. Голосование прошло успешно, с одним «против».

Причина происшедшего заключалась в том, что назначенный в 1961 г. научным руководителем уважаемый член-корреспондент был подвергнут критике за взятие на себя руководства слишком большого числа аспирантов, да еще по темам, в которых он некомпетентен. Вскоре он был вынужден принести кого-то «в жертву». Я была одной из самых подходящих фигур, поскольку казалась ему наиболее бесперспективной, так как вышла замуж и уехала за границу. Решение стало мне известно только по возвращении в Москву. С наивностью неопытного в подобных делах человека я решила, что буду защищаться без научного руководителя. Закончив диссертацию и сообщив коллегам, что намерена ее представить на обсуждение, узнала от них, что защита без научного руководства недопустима. Пришлось спешно обращаться к С.Н. Григоряну. Я благодарна ему за то, что он согласился поддержать меня.

Если говорить серьезно, научными руководителями для меня были друзья – коллеги, в первую очередь, из редакции журнала «Вопросы философии». К моим первым философским текстам относятся статьи в «Вопросах философии». Редактором № 1 во всех отношениях стал для меня Эрих Юрьевич Соловьев. Хотя по возрасту он был лишь на год старше, я считала его философским метром. Он не ограничивался стилистической правкой, уточнением того или иного авторского выражения. Эрих вольно или невольно становился соавтором. Так было при подготовке к печати двух статей, особенно второй из них [24; 28]. Написанные на основании многочисленных источников и литературы, статьи отличала информативная ценность. Но они носили преимущественно описательный характер, не хватало аналитического подхода, позволяющего анализировать, оценивать. Эрих щедро делился своими блестящими в этом отношении способностями. Более того, он даже предложил внести в текст небольшие вставки, сформулированные им самим. В результате получились статьи, привлекая внимание за рубежом. Обе статьи были переведены в Великобритании на английский язык и опубликованы в авторитетном журнале «Central Asian Review» [41]. Известно, что менторство (*англ.* – mentoring) означает наставничество, взаимодействие опытного человека, эксперта, достигшего значительных вершин в своей деятельности, с менее опытным, начинающим человеком. Эрих выполнял именно роль ментора. Дружба с ним, всегда сочетавшаяся с его способностью наставлять, направлять других в реализации их авторских замыслов, остается для меня, и по сей день, особенно значимой.

Расширив поле исследовательских занятий за счет выхода за пределы Индостана, и занявшись подготовкой монографии о философии и общественной мысли мира ислама в XIX–XX вв., я предприняла попытку обосновать и описать влияние христианской Реформации на реформаторское движение в исламе, их сходство и различия. Подсказала и вдохновила меня на разработку указанной темы (она в будущем стала темой моей докторской диссертации), несомненно, ставшая бестселлером книга Эриха о Лютере [19]. Подводя итоги первых лет работы в Институте, могу с уверенностью сказать, что мне посчастливилось оказаться в философском сообществе в замечательное время. Судьба подарила возможность встречи с поистине необыкновенными людьми – высокообразованными, талантливыми, увлеченными. Хотя я тепло вспоминаю о годах учебы в МГИМО, все же должна признаться, что образование в высоком смысле слова я обрела в Институте философии.

Моя жизнь и работа в Институте философии делится на три основных этапа, границами которых стали: защита кандидатской диссертации (1963), докторская защита (1974), заведывание сектором восточных философий (1980–2012). Промежуточными между ними являются три заграничные командировки, связанные с дипломатической службой мужа. Первая проходила в Индии с 1963 по 1966 гг. За границей я собирала материалы и писала тексты книг и статей. Исполняя обязанности, сначала зам. директора Советского дома науки и культуры, а затем культурного атташе Посольства, я заканчивала подготовку первой своей монографии. Она была опубликована в 1967 г. [30] Богатые впечатления от пребывания в Индии,

а также советы, сначала бывшего Посла Индии в Москве (последнего из дипломатов, принятого Сталиным), Президента Советско-Индийского общества дружбы Кришны Менона, а затем Директора редакции «Восточная литература» издательства «Наука» Олега Константиновича Дрейера, подвинули меня написать очерки о переменах в духовной жизни индийцев [25]. Примечательно, что при подготовке своеобразной книги – травелога по Индии, я взяла для себя за образец выполненную в этом жанре работу Льва Митрохина «Американские миражи» [13].

Мои книги были переведены и изданы: первая – в Пакистане, вторая – в Литве [42]. Правда публикация первой сопровождалась осложнениями, о которых я упоминаю только потому, что они имели прямое отношение к атмосфере, царящей в СССР в 60–70 гг. Узнав о том, что редакция «Восточная литература» по заказу, поступившему из пакистанского издательства, готовит английский перевод моей небольшой книги, зав. сектор Пакистана Института востоковедения Ю.В. Ганковский написал директору издательства «заявление». В нем говорилось о недопустимости публикации работы, которая вызовет негативную реакцию в Пакистане, вплоть до антисоветских демонстраций. Об этом доносе меня информировал О. Дрейер. Я попросила устроить «очную ставку». Она состоялась в кабинете директор Издательства. Ганковский объяснил свой шаг заботой о научной репутации «молодого, идеологически незрелого ученого» и желанием оградить его от осложнений. Я «убедительно просила не беспокоиться за мою репутацию, взяв всю ответственность на себя». В заключение этой истории могу сказать, что книга не вызвала каких-либо протестов, и тем более демонстраций, а напротив, получила неожиданно восторженные оценки в ведущей газете «Пакистан таймс» [36; 40; 47].

Из наиболее значимых событий упомянутого пребывания в Индии были три ежегодные сессии Индийского философского конгресса. Они проходили в декабре 1966–1968 гг., соответственно в Джодпуре, Патне и Бенаресе (Варанаси). В работе Индийских философских конгрессов принимают участие несколько сотен индийских философов, преимущественно профессора и преподаватели университетов всех штатов страны. Иностранцев бывает не более 5–10 человек. Мои доклады были опубликованы в специальных томах с материалами сессий. Но главным было не это, а то, что установленные связи позволили наладить устойчивое развитие сотрудничества нашего института с Индийским Советом по философским исследованиям, Индийским философским конгрессом, а позже – учредить кафедру им. Махатмы Ганди по изучению индийской философии.

Возвращение в Москву в 1969 г. было радостным событием. Я всегда в заграникомандировках тосковала по дому, по родителям, по друзьям и, конечно, по несравненной атмосфере институтского сообщества. За три года отсутствия в Институте философии многое изменилось. Изменения произошли и в секторе, с которого начиналась моя жизнь в Институте. Зацитив кандидатские диссертации, сотрудники сектора почувствовали в себе силы освободиться от методов и стиля руководства Е.Д. Модржинской. Заведующим сектором назначили Льва Николаевича Митрохина. Так сектор критики современной буржуазной философии обрел новую жизнь, со временем он стал сектором современной западной философии.

Лев Митрохин также добился вынесения выговора по обвинению в плагиате академику М.Б. Митину, что повлекло смещение последнего с должности главного редактора журнала «Вопросы философии» и назначение на эту должность И.Т. Фролова, что существенно изменило атмосферу в советской академической философии.

В моем же секторе формально особых перемен за три года не произошло. Правда, Институт покинули Эдик Баталов и Толя Ушков. Особое сожаление вызывал переход в другой Институт талантливого Э. Баталова. Полагаю, что его побудило к уходу давление со стороны «старших товарищей», составлявших большинство группы дальневосточников (Китай, Япония). Позитивным стало пополнение сектора за счет приема на работу новых, преимущественно молодых, специалистов. К их числу относились Борис Ерасов и Николай Илларионов (оба – африканисты). Главным же «приобретением» явилась Евгения Антоновна Фролова. Главным, поскольку она сыграла большую роль в тех будущих положительных переменах, которые произошли в философском востоковедении. Она окончила философский факультет МГУ в 1951 г. и там же защитила кандидатскую диссертацию (1954), в Институте философии начала работать с 1960 г., после преподавания в Институте марксизма-ленинизма и редакторской работы в издательстве «Иностранная литература». В нашем секторе она начала работать с 1962 г.

Пополнение наших рядов человеком с отличным философским образованием оказалось для сектора судьбоносным. Еще в период редакторской деятельности в издательстве «Иностранная литература» она заинтересовалась арабской философией и даже начала в частном порядке изучать арабский язык. Евгения Антоновна сосредоточилась на изучении *фалсафа*, т.е. школы арабского перипатетизма. Первой ее монографией была «Проблема веры и знания в арабской философии» (1983). Все, что она писала, отличалось строгой логичностью (напомним тему ее кандидатской диссертации – «О связи языка и мышления», 1954) и великолепным стилем изложения.

Дружба с Женей Фроловой и Неллей Мотрошиловой приобрела новые смыслы в связи с их браками, соответственно с Эрихом Соловьевым и Юрием Александровичем Замошкиным. Я не случайно упоминаю последнего с отчеством. Я не могла сразу перейти с ним на «ты» и звать по имени без отчества. Объясняется это просто – он был моим преподавателем истории философии во время учебы в МГИМО. В нашем «семейном кругу» были также практически незнакомые мне ранее Борис и Наташа Грушины. Мы часто собирались вместе в связи с празднованием дней рождений и прочих достойных с нашей точки зрения событий. Такие «празднества» проходили на квартирах Нелли и Юры, Жени и Эриха, у меня с Сашей.

Вторая половина шестидесятых годов была для нас периодом серьезного погружения в научно-исследовательскую работу. Шла усиленная подготовка к выходу на защиту докторских диссертаций. К началу 1971 г. я представила сектору на обсуждение рукопись четвертой своей монографии «Ислам в философской и общественной мысли зарубежного Востока XIX–XX вв.». Прочитав ее, зав. сектором С.Н. Григорян сказал мне, что,

по его мнению, рукопись не только должна быть опубликована, но она практически представляет собой готовую докторскую диссертацию. На обсуждении рукопись была рекомендована к печати, и многие коллеги поддержали мнение Сергея Николаевича. Так я решилась оформить текст в формате диссертационного исследования. В течение полутора лет я работала над ним и осенью 1972 г. представила рукопись на обсуждение в качестве докторской диссертации.

Коллеги дали положительную оценку исследования, подчеркивая его фундаментальный характер и оригинальность подхода к наиболее острым современным проблемам мусульманского мира. Прямо противоположную позицию занял Николай Герасимович Сенин. Напомню, он был доктором наук, специалистом по современной китайской философии, человеком, который претендовал на безусловную «чистоту» своих марксистско-ленинских взглядов, а потому и право на решительную борьбу с отступлениями на позиции «ревизионизма». Именно таким образом он поступал при всех обсуждениях на секторе. Н.Г. Сенин говорил более часа. Он признал, что представленная работа представляет собой «фундаментальный труд, содержит свежий материал, свободен от компиляций»¹. Но далее было категорично заявлено: «Работа недиссертательна». Во-первых, исследование проведено по «неактуальной теме» и роль ислама в современной идеологической борьбе преувеличена. (И это говорилось за шесть лет до Иранской революции и смены шахской власти аятоллой Хомейни!). Во-вторых, соискатель нигде не упоминает, а, следовательно, не принимает во внимание, наиболее важную оценку, данную Карлом Марксом: «религия – это опиума для (?) народа». В-третьих, вместо того чтобы «говорить о доктрине (!?) ислама так, как она есть», соискатель рассуждает о различных направлениях, в частности о мусульманском реформаторстве и исламском социализме», которые возникли тогда, когда «командные силы собирают силы, чтобы решить, как приспособить религию к тому, чтобы сохранить ее власть над населением». И т.д. и т.п. В заключении Н.Г. Сенин заявил: «Автор проделал значительную работу. Он обработал большое количество руды, из нее выплавлен металл, а вслед за этим – болванка образа. Остается теперь сделать еще диссертацию». Критика Н.Г. Сенина вызвала отрицательную реакцию со стороны всех сотрудников, кроме всегда выступающей вместе с ним против «ревизионизма» переводчицы с японского языка, из пограничных войск, Л. Шахназаровой. Она промолчала.

То, что в мою поддержку аргументированно и горячо выступили Е.А. Фролова и Б.С. Ерасов, не было для меня неожиданным, так как я знала их взгляды, читала все их работы. Но вот выступление С.Н. Григоряна меня удивило. Он обычно говорил тихим голосом, без открытого выражения эмоций, можно сказать, примирительно. И вдруг прямая, решительная конфронтация с мнением всегда претендовавшего на универсальную авторитетность своего мнения Н.Г. Сенина. «Мы специалисты, – начал выступление С.Н. Григорян (тем самым, подчеркивая, что он, в отличие от китаиста Сенина, является признанным исламоведом), – заявляем,

¹ Здесь и далее взятые в кавычки слова Н.Г. Сенина, приводятся по тексту сохранившейся стенограммы.

что работа Степанянц по-настоящему уникальна. Это самостоятельное и оригинальное исследование.... Я внутренне убежден, что после публикации, работа будет переведена на иностранные языки, поскольку она представляет собой «новое слово» в мировом исламоведении». Подавляющим большинством голосов работа была рекомендована к защите.

Состоявшаяся в начале февраля 1974 г. защита прошла успешно. Этим я во многом обязана моральной поддержке со стороны коллег и друзей. Особо хотелось бы отметить Директора Института востоковедения академика Б. Гафурова, самого авторитетного специалиста по Пакистану Л.Р. Гордон-Полонскую, приход на защиту таких «тяжеловесов» в индологии как академика Григория Максимовича Бонгарда-Левина и главного редактора журнала «Восток» Леонида Борисовича Алаева. Эта коллегиальная поддержка была исключительно важна, учитывая, что 10 января, практически накануне защиты, после скоротечного рака скончался Сергей Николаевич Григорян. Уход из жизни в возрасте 54 лет основателя и заведующего привел к резкому ухудшению положения дел в секторе. Через две недели после защиты я должна была присоединиться к мужу, направленному на дипломатическую работу в Канаду. Естественно, что в последовавших секторских событиях я не принимала участие.

Ваша многолетняя и плодотворная работа в Институте философии РАН дала возможность общаться и работать с несколькими поколениями отечественных исследователей. Как бы Вы могли охарактеризовать интеллектуальную среду, в которой проходило развитие отечественной философии? Кого из российских мыслителей, с кем Вас свела судьба, Вы могли бы выделить. В чем Вы видите значение этих людей для российской философии?

За шесть лет моего отсутствия (1974–1980 гг.) руководство сектором сменялось трижды. В 1975–1976 гг. обязанности зав. сектором временно исполняла Е.А. Фролова. В апреле 1976 г. заведующим сектора становится Николай Петрович Аникеев. Однако в коллективе обстановка остается напряженной. 24 апреля 1977 г. в Дирекцию Института поступает заявление за подписью 8 сотрудников, в котором говорится, что отношения в коллективе настолько осложнились, что многие «серьезно подумывают о возможности дальнейшего пребывания в Институте». С конца 1979 г. до сентября 1980 г. и.о. зав. сектора – Давид Джохадзе, защитивший за два года до этого докторскую диссертацию «Диалектика Аристотеля (диалектика историко-философского процесса)».

Весной 1980 г. я вернулась на работу в Институт. Со мной сразу стали говорить о взятии на себя обязанностей зав. сектора. Я несколько месяцев отказывалась, полагая, что психологически не смогу справиться с создавшей в коллективе обстановкой. На общем собрании Института философии директор Б.С. Украинцев охарактеризовал наш сектор как «банку с борющимися пауками». Было принято решение о реорганизации и проведение конкурса на замещение *всех* имеющихся должностей. Так возник Сектор актуальных проблем современной философии стран Азии и Африки (вынужденное странное название!), спустя несколько лет, переименованный в сектор философии зарубежного Востока.

Опираясь на оставшихся в секторе сотрудников, можно сказать героически отстоявших реформирование подразделения, я приступила, прежде всего, к заполнению вакантных единиц набором новых сотрудников. В 1980-е гг. наши ряды пополнились высококвалифицированными специалистами из числа выпускников философского факультета МГУ, которые благодаря Юрию Константиновичу Мельвилю, возглавлявшему кафедру истории философии (1968–1985), уже в годы учебы изучали восточные языки и специализировались по истории философии Китая, Индии, Арабского мира, Японии. Пополнение произошло также за счет филологов и историков, проявлявших серьезный интерес к философии. Сотрудников обновленного и расширенного сектора объединяла решимость освободиться от идеологического груза в исследованиях по восточным философиям. Разделы по Востоку в «Истории философии», также как и подавляющее большинство философских востоковедных работ того времени, были написаны с намерением отвергнуть европоцентристское отношение к восточной философии. Об этой установке прямо говорилось в предисловиях, вводных разделах практически всех трудов. Однако, как это ни парадоксально, критикуя буржуазный европоцентризм, авторы, по существу, проявляли собственный, поскольку пытались рассмотреть и оценить восточную философию исключительно в рамках вульгарного марксизма. Отсюда упорное стремление развести философию и религию, материализм и идеализм как полярные, несовместимые идейные течения и, как следствие этого, игнорирование, непонимание своеобразия развития философской мысли в Индии, Китае и т.д. Предписанная сверху задача непримиримой борьбы с идейными противниками определила направленность большинства коллективных трудов 60–70-х гг.: сосредоточенность на изучении идеологий национально-освободительных движений, революционно-демократических сил, «некапиталистического» путь развития.

В последующие двадцать лет с 1980 по 2000 гг. деятельность сектора восточных философий изменилась настолько, что нас в Институте стали «замечать». Это проявилось сначала в робких и почти анекдотичных формах. Не помню точно, в 1987 или 1988 г., мне позвонили по поручению академика Ивана Тимофеевича Фролова, который просил меня поручить сотрудникам сектора подготовить текст объемом до пяти машинописных страниц о восточной философии для готовящегося под его редакцией вузовского учебника «Введение в философию» [2]. Честно говоря, я подумала, что ослышалась. Переспросила и получила в ответ подтверждение: именно пять страниц. Такова на тот момент была оценка значимости философского наследия трех восточных цивилизаций: пять машинописных страниц в книге объемом около 1000 печатных страниц! Я вынуждена была сказать «нет» в ответ на столь удивительное предложение и объяснила, что не могу себе позволить просить сотрудников представить философское наследие трех цивилизаций в таком объеме. Самое большое, что я могу обещать – это, сама написать текст объемом не менее 1 а.л. Так появился отечественный учебник с небольшим разделом по Востоку. Кстати, учебник неоднократно переиздавался и был переведен на ряд иностранных языков. Сегодня я вспоминаю случившееся с пониманием. И.Т. Фролов,

на самом деле, был первым из «высокопоставленных» философов, кто обратил внимание на работы философов-востоковедов и активно поддерживал нас, публикуя в журнале «Вопросы философии» в бытность свою его ученым секретарем, а затем главным редактором (1968–1977). Значительно полнее восточные философии были представлены в учебном пособии для студентов высших учебных заведений под редакцией Н.В. Мотрошиловой [7], которая, как мне кажется, единственная из институтских коллег вне нашего сектора, уже в то время читала опубликованные нами книги, как индивидуальные, так и коллективные монографии, и проявляла уважение к нашей деятельности.

Радикальное повышение статуса сектора в деятельности Института произошло благодаря новым руководителям Института философии – Вячеславу Семеновичу Степину и Абдусаламу Абдулкеримовичу Гусейнову. В.С. Степин инициировал введение новой ориентации в университетском преподавании. Он предложил мне прочитать ряд лекций заведующим кафедрами философии, которые были направлены к нам на курсы повышения квалификации. Опыт оказался удачным, и с энтузиазмом, воспринятым слушателями. Это было взято на заметку «отцами-основателями» академиками, возглавлявшими ряд гуманитарных академических институтов (в первую очередь, В.С. Степиным и А.А. Гусейновым) при учреждении в 1992 г. Государственного академического университета гуманитарных наук. Через шесть лет (в 2008 г.) по инициативе А.А. Гусейнова, неизменно поддерживавшего нас во всех начинаниях и даже «подталкивающего» к ним, на базе указанной кафедры по Соглашению между ЮНЕСКО и Институтом философии РАН была создана первая, и до сих пор единственная в Российской Федерации, кафедра ЮНЕСКО по философии – «Философия в диалоге культур» (ФДК).

При всей значимости образовательной – преподавательской работы, главным для нас, как сотрудников академического института является исследовательская деятельность. Серьезно занявшись переводами источников с *вэньян* (классического письменного языка, использовавшегося в Китае до XX в.), санскрита, пали, арабского, фарси, японского, корейского, вьетнамского, урду, мы открывали сначала для самих себя, а затем для других мир Востока в его уникальности, богатстве и разнообразии. Перейдя далее к комментированию переводов, мы выявляли заложенные в них и непонятные западной культуре смыслы, позволившие приступить к фундированным историко-философским исследованиям. В 1993 г. была учреждена академическая серия «История восточной философии» (отв. ред. М.Т. Степанянц) для издания фундаментальных исследований. В серии издано около двадцати книг по различным направлениям индийской, китайской, японской, арабской, персидской философии.

Следующим шагом в развитии философского востоковедения стала подготовка энциклопедических изданий. Речь идет прежде всего о «Новой философской энциклопедии» [14]. России требовалась философская энциклопедия, свободная от искажений, примитивных и ошибочных оценок, выполненная на высоком профессиональном уровне с опорой на имеющийся в научном сообществе потенциал, реализации которого ранее препятствовали преграды политического, идеологического, бюрократического характера.

тического порядка. Руководство Института во главе со В.С. Степиным и А.А. Гусейновым инициировало подготовку новой энциклопедии. Эта инициатива вызвала поддержку, я бы сказал даже, энтузиазм многих коллег, что позволило за относительно короткий срок выпустить подлинно новое издание.

Наверное, нелишне будет сказать, что при подготовке словника Энциклопедии и его утверждении не обошлось без курьеза: один из уважаемых членов редакционного совета выразил недоумение по поводу слишком большой численности статей по восточным философиям, практически приравненной к численности таковых по античной философии. К счастью, это возражение было отклонено главными редакторами, напомнимшими, что речь идет о представленности в энциклопедии трех цивилизаций, а именно, китайской, индийской, арабо-мусульманской, что не только допустимо, но необходимо, если мы желаем отмежеваться от европоцентризма в истории философии. Мудрость и справедливость такого решения подтвердилась, хотя бы в том, что широкое освещение восточных философий в Энциклопедии было признано при итоговой оценке в качестве одного из наиболее значимых ее отличий от Энциклопедии 1960–1970 гг., наряду со статьями по философии науки и русской средневековой философии. Далее последовала подготовка энциклопедий по индийской философии и философии буддизма [4; 33]. Подготовленные нами энциклопедии были оценены, прежде всего в самой Индии, как уникальные издания.

Опишите, пожалуйста, основные результаты Ваших исследований по компаративной философии. Что, на Ваш взгляд, Вам удалось сделать в выбранной Вами области знания?

Накопленный исследовательский багаж отечественного философско-востоковедения позволил нам активно подключиться к компаративному вектору мировой академической науки. Удивительно, что и на этот раз судьба вновь «улыбнулась» мне. Впервые за всю историю всемирно известных «Конференций философов Востока и Запада» поступило приглашение советскому философу принять в ней участие. Директор Института философии Николай Иванович Лапин решил направить меня, поскольку с 1980 г. я руководила исследованиями по восточным философиям. VI Конференция философов Востока и Запада (1989) произвела на меня большое впечатление атмосферой свободы и творчества в выражении и обсуждении многообразия подходов к основной теме конференции «Культура и современность: авторитет прошлого». Около ста пятидесяти ученых из более чем тридцати стран приняли участие в грандиозном форуме, который длился две недели. Среди участников были всемирно известные философы: А.А. Макинтайр, Х. Патнэм, А. Данте, Р. Бернштейн, Р. Рорти, Д. Чаттопадхьяя, Р. Ганди, О. Орука, К.О. Апель, С. Стоянович, А. Хеллер, Б. Матилал, Ч. Банарсидас и другие. Это было воистину «созвездие» великих умов (как об этом писали в местных газетах)! С некоторыми из них я поддерживала контакты и сотрудничество долгие годы, в частности, с Элиотом Дойчем (Директором – Президентом Конгресса и его «правой рукой» в тот момент Роджером Эймсом). Я ни-

как не могла подумать, что когда-нибудь в будущем вернусь на эти конференции. К счастью, я ошибалась.

Вскоре после конференции мне поступило предложение организовать региональную конференцию EWPC в Москве. Хотя начало 1990-х годов было для нас очень тяжелым временем, мои коллеги восторженно приняли это предложение. Таким образом, в июле 1990 г. состоялась первая конференция по сравнительной философии. В Москву приехало семь ученых, в том числе, помимо американцев, из Индии, Мексики и Великобритании. Первый опыт оказался весьма успешным: все статьи были опубликованы на русском языке в книге под названием «Феминизм: Восток–Запад–Россия» [32; 38]. Эта конференция была не только первой в России конференцией по сравнительной философии, но и первой конференцией по феминизму, которая была фактически «незаконной» темой для академических дискуссий. В ноябре того же года в Институте философии проходила еще одна международная конференция. Темой ее была «Концепция человека в традиционных культурах Востока». В ней приняли участие пять ученых из Франции и два из США.

Невероятные события в моей жизни продолжались. Мне выпала честь стать Директором – Президентом следующей VII Конференции философов Востока и Запада по теме «Справедливость и демократия: философское исследование», а затем совместно с Р. Эймсом провести VIII конференцию, созданную в 2000 г. под девизом «Технология и человеческие ценности на пороге третьего тысячелетия». На следующих двух конференциях (2005 и 2011) я возглавляла Международный консультативный совет и была ключевым пленарным докладчиком юбилейной X конференции EWPC на тему «Цены и ценности: экономика и справедливость в эпоху глобальной взаимозависимости».

Развитие отечественной компаративистики было оформлено учреждением Институтот философии в 2002 г. специальной академической серии «Сравнительная философия». Московские международные конференции по сравнительной философии проходили по актуальным темам. Доклады конференций были опубликованы в России, а затем в США Советом по философским исследованиям и ценностям [3; 21; 34]. Большую роль в успехе сравнительно-философских конференций в Москве сыграли зарубежные ученые: Генри Роузман, Х.-Г. Мёллер, Пеймин Ни, Ариндам Чакрабартти, Голам-Реза А'авани, Мишель Юлен, Джанни Ваттимо, Ф. Даллмайер.

Как бы Вы охарактеризовали связь сравнительной философии с проектом межкультурной философии?

Сравнительная философия прошла три основных этапа эволюции: от доказательства «истинности» только западной философии, к усилиям по созданию «синтетической философии» и, наконец, – к признанию автономности и значимости незападных философий. Межкультурная философия, стала продолжением философского компаративизма на качественно новом уровне – в контексте новых вызовов: не столько европоцентризма, сколько глобализма. Это рефлексия, не ограниченная рамками национальных или цивилизационных границ.

Я долго не осознавал свою связь с межкультурной философией, хотя, как и некоторые другие компаративисты, использовала межкультурный метод исследования [22; 45]. Это словосочетание мне не встречалось до 2015 г., когда я получила письмо от главного редактора «Журнала мировых философий» (Journal Of World Philosophies), печатного органа по межкультурной философии, – Моника Кирлоскар-Стейнбах (Университет Констанца, Германия). Следует признать, что журнал тогда практически не был известен среди русскоязычных читателей. Он вырос из периодического Интернет-издания в 2014 г. В состав его редколлегии вошли ведущие компаративисты, поддерживающие новый тренд – межкультурную философию. Моника предложила мне написать статью в Раздел «Intellectual Journeys» (Интеллектуальные путешествия), т.е. автобиографические очерки философов-компаративистов, которые вошли в сообщество межкультурных философов. Авторами указанного раздела были Роджер Эймс, Офелия Шатт, Джеймс Хейсинг. Моя статья, названная соответствующим образом «На пути к межкультурной философии», вышла в 2016 г. [43].

Электронный журнал оказался столь успешным, что с конца 2016 г. он обрел статус международного рецензируемого печатного периодического издания, публикуемого издательством университета Индианы (США) и выходящего под названием «The Journal Of World Philosophies». Межкультурная философия, по моему мнению, органично связана со сравнительной и в то же время, в некотором роде, ее антипод. Общим для них является компаративный метод изучения так называемых незападных идей с западными. Исходной установкой при этом является безусловность того, что первые «неполноценны», «ущербны» по сравнению с последними, которые и есть подлинно философские. Отсюда три рода выводов: 1) признание истинности только западных философских идей; 2) абсолютная различность, а потому оппозиционность; 3) допущение взаимодополнительности и, следовательно, синтеза. Возможно, отсюда и вариативность терминологии, использование для обозначения фактически одной и той же области исследований. На русском языке есть несколько названий: «интеркультурная философия» (Петербургский философ-компаративист А.С. Колесников) [8]; «межкультурная философия» (философы-востоковеды В.Г. Лысенко, М.Т. Степанянц и др.); «философский полилог» (главный редактор журнала Международного центра изучения русской философии (Санкт-Петербург) – «Философский полилог» – А.В. Малинов).

Мне кажется не случайным, что новый международный журнал получил название «Confluence: Online Journal of World Philosophies», точный перевод которого: «Слияние: Журнал мировых философий». Название гавайского журнала «Философия Востока и Запада» предполагает, что в мире есть два географически определяемых полюса существования философии, в то время как название современного журнала говорит о мировых философиях (во множественном числе), которые не противоплагаются как два полюса, а допускаются к «слиянию» в процессе межкультурного философствования.

Новый журнал формулирует цель межкультурной философии как выявление сходства и различий между существующими в мире философскими традициями; развитие контуров философского понимания, отличных от доминирующих парадигм, и создание платформы, с которой могли бы выступать принципиально различающиеся между собой философские «голоса», включая те, которые долгое время заглушались господствующими академическими дискурсами и институтами. Он также стремится стать изданием, в котором вопросы, представляющие глобальный интерес, могли бы рассматриваться творчески, новаторски. Он приветствует инновационные способы концептуализации, артикуляции и представления межкультурного дискурса, способные содействовать развитию новых идей, касающихся современных глобальных мыслительных процессов, и контуров пока еще скрытых процессов будущего.

Работая в академическом институте и в университете, Вы, несомненно, имели дело с молодым поколением ученых. Кого из современных исследователей Вы бы могли назвать в качестве своих учеников? Поддерживаете ли Вы с ними связь, следите ли за их достижениями?

Жизнь сложилась так, что я рано приобщилась к преподавательской деятельности. Первым опытом было преподавание русского языка в Делийском университете (1962–1963). Меня направило на эту работу Министерство образования в составе небольшой группы обмена преподавателями между СССР и Индией. Вернувшись в Москву после второго пребывания в Индии (1966–1969), я была приглашена читать курс лекций по теме «Религиозный фактор в идеологии и политике стран Востока» для студентов пятого курса на кафедре истории восточного факультета МГИМО (1969–1973). Курс по Китаю читал известный синолог (историк, религиовед) – Леонид Сергеевич Васильев, сотрудник Института востоковедения РАН. Курс был введен впервые, а потому интерес к нему был не только у студентов, но и у многих преподавателей, аудитория всегда была переполненной. Не могу не отметить, что среди студентов было немало будущих известных дипломатов: С.В. Лавров – министр иностранных дел РФ, А.В. Торкунов – ректор МГИМО, академик РАН, множество послов, самым близким из которых был для меня замечательный посол в Индии (1999–2004 и 2009–2017) – А.М. Кадакин. Мною было подготовлено несколько учебных пособий. Чтение лекций стало отличной школой, поскольку при подготовке к ним требовалось прилагать большие усилия к расширению собственного кругозора.

Перерыв в преподавании пришлось сделать в связи с очередной командировкой мужа на работу в Посольство Канады (1974–1980). По возвращению меня пригласили на кафедру философии в Дипломатической Академии МИД СССР, зав. кафедрой которой был проф. Владимир Алексеевич Карпушин, ранее работавший в нашем институте. Приглашение исходило от ректора Академии – академика РАН Сергея Леонидовича Тихвинского, выдающего историка-синолога, знавшего меня по работе в Индии. Я читала лекции для дипломатов из числа имевших уже звание советников; для приезжавших ежегодно на стажировку групп дипломатов во главе с зам. министра стран СЭВ, а иногда и для небольших по

численности групп высоких государственных деятелей, направляемых послами за рубеж. Более, чем десятилетний стаж преподавания в купе с научным стажем, многочисленными учебными пособиями, защищенной в 1974 г. докторской диссертацией и, наконец, с требуемым числом защитивших диссертации аспирантов, позволили в 1983 г. ВАКу присвоить мне звание профессора.

Я любила студентов за их интерес к лекциям, даже некоторый энтузиазм, выражавшийся в аплодисментах слушателей в Дипакадемии. Связь с ними сохранялась на многие годы, и я нередко продолжала поддерживать их в профессиональном росте. Первые аспиранты, защитившие диссертации, были слушатели Дипакадемии, среди них чаще всего представители республик. Запомнившиеся имена: Акшин Мехтиев (Азербайджан), Абдусамат Хайдаров (Узбекистан), Сулейман Ибрагимов (Узбекистан) и др., ставшие послами и даже министрами иностранных дел. У аспирантов ИФ РАН я была научным руководителем при подготовке кандидатских и докторских диссертаций: акад. А.В. Смирнова, вице-президента Академии наук Таджикистана Р.Х. Додыхудоева, заслуженного деятеля науки Республики Татарстан, проф. Айдара Юзеева, проф. Владимира Янгутова и С.Ю. Лепехова (Бурятия), проф. Е.В. Панфиловой (МГИМО), проф. Ю.М. Почта (РУДН). Особое место среди аспирантов занимали иностранцы: из Афганистана, Вьетнама и Болгарии, поскольку работа с ними была особенно трудоемкой и требовавшей не только наставнической роли, но и неформальных отношений, опеки. Самая тесная связь у меня сохранилась с Нгуен Хуанг Хау, который перевел на вьетнамский мой учебник и многие годы руководил сектором истории философии в Ханое.

Последним защитившимся аспирантом стал Олег Кочеров, ставший сотрудником нашего сектора, одним из ведущих специалистов по китайской философии. Как уже упоминалось выше, с 1966 г. по настоящее время я заведу кафедрой философии и политической мысли ГАУГН. Неоднократно получила Премию Президента Российской Федерации за руководство ведущей гуманитарной школой. Это было естественно, поскольку в течение более тридцати лет руководства сектором восточных философий моя задача и обязанность состояла в объединении немногочисленных философов-востоковедов для подготовки энциклопедических изданий и коллективных трудов.

Жалеете ли Вы о чем-то в профессиональном плане?

Жалею, что не смогла получить университетского философского образования, а потому девиз жизни: учиться, учиться и учиться!

В каких изменениях нуждается философское образование в России?

Отвечая на Ваш вопрос, я хотела бы обратить внимание на то, что в наше время философия нуждается прежде всего в защите. Она по праву должна сохранять глубокое уважение и высокую значимость в публичном пространстве. Однако мы наблюдаем вместо этого стремление превратить философию в маргинальную область знания. Это происходит в значительной степени вследствие изменения ценностных ориентиров. Материаль-

ный достаток, преуспевание, выражающееся в товарной и денежной массе, а не поиск Истины, нравственное совершенствование, стремление к идеалам выдвигаются в качестве главных целей, формирующих сознание людей, в особенности молодого поколения. Отсюда вытеснение философии из сферы образования или же сведение ее предмета к практически результативной философии науки.

Повсеместно (особенно в западных странах) философия вытесняется из образовательного поля. Поскольку в течение пятнадцати лет (2005–2020) мне (вслед за акад. В.А. Лекторским) выпала честь быть избранной в Исполком Международной федерации философских обществ, я имела возможность наблюдать за указанным тревожным процессом: нам поступало множество писем с мест, в которых выражалась просьба помочь в пересмотре решений о закрытии университетских кафедр философии в США, Великобритании, Германии и др.

Более того, философия перестала быть приоритетной областью деятельности для ЮНЕСКО, хотя при создании организации и в последующие годы вплоть до недавнего времени, философия признавалась таковой. К большому сожалению, подобная ситуация наблюдается и в России. В СССР при всех недостатках в системе образовании, были, несомненно, и большие достоинства. В частности, философия являлась обязательной дисциплиной во всех высших учебных заведениях страны. Конечно, под «философией» имелся в виду преимущественно марксизм-ленинизм, история философии преподавалась чаще всего как борьба материализма с идеализмом, рационализма с иррационализмом, атеизма с религией и т.д. Но, несмотря на идеологически зависимое преподавание, в него включалось знакомство с философами-классиками, что не могло не провоцировать интерес к мировому философскому наследию (подлинному, не урезанному), желание задуматься над проблемами, которые ставили и которыми занимались великие умы. Следует также признать, что труды многих, к сожалению, опять же выборочно, великих философов издавались в СССР невиданными в мире огромными тиражами до 75 тысяч экземпляров. Тем самым широкая общественность имела возможность познакомиться с идеями Платона, Аристотеля, Канта, Гегеля, Гольбаха, Гоббса, Юма, Бэкона и др.

Такое образование закладывало в людях уважительное отношение к философии и большой интерес к более глубокому знакомству с ней. Вот почему, когда в связи с «Перестройкой» были сняты прежние ограничения и появилась возможность публикации трудов преданных забвению философов, именно философская литература (наряду, между прочим, с поэзией) оказалась наиболее востребованной нашим читателем.

То, что мы наблюдаем в последние годы, фактически направлено против указанной выше позитивной тенденции. Философия вытесняется из образовательного процесса. Поразительно, что Высшая аттестационная комиссия инициировала исключение философии из экзаменов кандидатского минимума. Только активная протестная позиция позволила сохранить хотя бы одну дисциплину – философию науки. Количество учебных часов, предоставляемых на философские дисциплины, неук-

ленно сокращается. Кафедры философии в высших учебных заведениях либо упраздняются, либо сливаются.

К большому сожалению, следует признать, что подобная официальная государственная политика в отношении философии имела место и в прошлой нашей истории. Испуг перед «французской заразой» – февральской революцией 1848 г. – подтолкнул в 1850 г. к высочайшему распоряжению о закрытии кафедр философии во всех российских университетах (кроме Дерптского). Примечательно, какова была реакция на это распоряжение со стороны «благонамеренных» профессоров старейшего Императорского Казанского университета, в годовом отчете которого за 1850–1851 гг. говорилось: «Чрезвычайно важною мерою в ходе образования было упразднение отдельной кафедры философии в университете... как бы в знак того, что все мудрствования умов, не проникнутых и не направленных чистою верою, суетны и ведут скорее к заблуждению, нежели к познанию света истины». Императорская власть исходила из убежденности в том, что «польза философии не доказана, а вред от нее возможен». В выражениях никто не смущался. Так, Николай I откровенно признавался: «Я философов терпеть не могу, я всех философов в чухотку вгоню!»

Характер современного «слияния» (фактически их ликвидации) философских факультетов и кафедр поражает своей неуместностью. Этому губительному процессу необходимо активно противостоять. Надо использовать заложенную нашим культурным наследием тягу к духовности, к гуманитарному знанию, прежде всего, к философии.

Что касается необходимых изменений в философском образовании, то я хотела бы обратить внимание на то, что мне кажется первоочередным: более решительно и последовательно устранять присущую нам западнцентристскую ориентацию. Институт философии РАН в лице нашего коллектива философов-востоковедов проявил инициативу введения не факультативного, а обязательного годового курса по восточным философиям. Первые годы я одна читала курс для студентов философов и политологов. Позднее, удалось подключить к нему во втором семестре специалистов по индийской, китайской и арабо-мусульманской традициям. Конечно, годовой курс на три цивилизации слишком мал, он может лишь быть «введением» в историю философских традиций этих трех цивилизаций. Мы стараемся расширить круг аспирантов и подключить их к научно-исследовательской работе как в нашем институте, так и в ряде университетов.

Подобное поликультурное философское образование введено и далее вводится в ряде российских университетов. Особо следует отметить РУДН, РГГУ. Примечательно приобщение к межкультурному дискурсу произошло среди философов-востоковедов, представленных не только Институтом философии и Институтом востоковедения Российской академии наук, но и высшими учебными заведениями.

Принципиальное различие между современной эпохой и прошлым заключается в том, что культурное взаимодействие становится глобальным. В этих условиях межкультурная философия уже не носит регионального характера, она становится универсальным императивом. Суще-

ствует острая необходимость в исследовании потенциала, которым обладает межкультурная философия в конкретных областях: в переосмыслении социально-политических идеалов, формулировании альтернативных концепций модернизации, в поиске ответов на вызовы экологического кризиса, в расширении границ философии и науки, в представлении новейших сценариев глобализации и т.д. Короче говоря, если философия останется в культурной изоляции, она потеряет свою цель – осознать дух времени. Межкультурная философия – это отражение, неограниченное национальными или цивилизационными границами. Она стремится осмыслить и найти решения как чисто философских, так и глобальных проблем посредством полилога в качестве средства достижения взаимопонимания и поиска новых путей решения универсальных проблем.

Что бы Вы хотели пожелать молодежи (студентам), которые приходят учиться на философские факультеты?

Не могу пожелать ничего лучшего, чем не предавать забвению афоризм Сенеки: «Философия есть нечто не побочное, а основное».

Литература

Исследования

1. Бочаров А.Б. От диалога к полилогу (рец. на: Сравнительная философия: от сравнительной к межкультурной философии / Сост. и отв. ред. М.Т. Степанянц. М.: Наука, Вост. лит., 2022. 399 с.) // Соловьевские исследования. 2023. № 4 (80). С. 179–193.
2. Введение в философию: Учебник для высших учебных заведений. В 2 ч. / Ред. И.Т. Фролов. М.: Политиздат, 1989.
3. Знание и вера в диалоге культур / Ред. М.Т. Степанянц. Вашингтон: Совет по исследованиям в области ценностей и философии, 2011.
4. Индийская философия. Энциклопедия / Отв. ред. М.Т. Степанянц. М.: Восточная литература, Академпроект, 2009.
5. Интеркультурная философия: полилог традиций / Отв. ред. А.В. Малинов, А.Е. Рыбас. СПб.: Интерсоцис, 2020.
6. История философии / Под. ред. Г.Ф. Александрова, Б.Э. Быховского, М.Б. Митина, П.Ф. Юдина. В 2 т. М.: ОГИЗ – ГОСПОЛИТИЗДАТ, 1941.
7. История философии: Запад–Россия–Восток. Учебное пособие для студентов высших учебных заведений. В 3 кн. / Под ред. Н.В. Мотрошиловой. М.: Греко-латинский кабинет, 1995–1998.
8. Колесников А.С. Возможна ли интеркультурная философия? // Вестник Русской христианской гуманитарной академии. 2009. Т. 10. Вып. 3. С. 59–70.
9. Лепехов С.Ю. Возможности и перспективы межкультурного философствования. Рецензия на монографию «Сравнительная философия: от сравнительной к межкультурной философии» (под редакцией М.Т. Степанянц) // Вестник Российского университета дружбы народов. Серия: Философия. 2023. Т. 27. № 2. С. 469–481.
10. Малинов А.В. Интеркультурная философия: полилог традиций // Соловьевские исследования. 2021. № 4 (72). С. 183–194.

11. *Малинов А.В.* Межкультурное многоголосие в философии. Размышление над книгой // Вопросы философии. 2023. № 11. С. 34–43.
12. *Малинов А.В.* Межкультурная философия: опыт тематизации (рецензия на книгу: Степанянц М.Т. Межкультурная философия: истоки, методология, проблематика, перспективы. М.: Наука, Вост. лит., 2020. 183 с.) // Имагология и компаративистика. 2021. № 15. С. 280–290.
13. *Митрохин Л.Н.* Американские миражи. М.: Молодая гвардия, 1962.
14. Новая философская энциклопедия. В 4 т. М.: Мысль, 2001.
15. *Панфилова Т.В.* (рец.) М.Т. Степанянц. Межкультурная философия: истоки, методология, проблематика, перспективы. Ин-т философии РАН. М.: Наука, Вост. лит., 2020. 183 с. // Вопросы философии. 2020. № 5. С. 215–218.
16. *Резник Ю.М.* От философии над культурами к межкультурной философии? (Размышления над книгой М.Т. Степанянц «Межкультурная философия: истоки, методология, проблематика, перспективы») // Проблемы цивилизационного развития. 2022. Т. 4. № 2. С. 88–100.
17. *Рейснер И.* Ганди // Малая советская энциклопедия. Т. 2. М.: Советская энциклопедия, 1931. С. 383.
18. *Рубец М.В.* Обзор круглого стола-презентации коллективной монографии «От сравнительной к межкультурной философии» // Проблемы цивилизационного развития. 2023. Т. 5. № 1. С. 175–188.
19. *Соловьев Э.Ю.* Непобежденный еретик (Мартин Лютер и его время). М.: Молодая гвардия, 1984.
20. Сравнительная философия: от сравнительной к межкультурной философии / Сост. и отв. ред. М.Т. Степанянц. М.: Наука, Вост. лит., 2022.
21. Сравнительная этика в глобальную эпоху / Ред. М.Т. Степанянц. Вашингтон: Совет по исследованиям в области ценностей и философии, 2007.
22. *Степанянц М.Т.* Восточные концепции совершенного человека в контексте мировой культуры // Историко-философский ежегодник. 1990. М.: Наука, 1991. С. 96–107.
23. *Степанянц М.Т.* Восточные философии: Учебник для вузов. М.: Академический проект, 2011.
24. *Степанянц М.Т.* Исламская этика и ее социальный смысл // Вопросы философии. 1966. № 2. С. 100–109.
25. *Степанянц М.Т.* Лотос на ладонях. Заметки о духовной жизни индийцев. М.: Наука, Главная редакция восточной литературы, 1971.
26. *Степанянц М.Т.* Межкультурная философия: истоки, методология, проблематика, перспективы. М.: Наука, Вост. лит., 2020.
27. *Степанянц М.Т.* Межкультурная философия как эпоха, схваченная в мысли // Философский полилог: Журнал Международного центра изучения русской философии. 2020. № 1 (7). С. 11–25.
28. *Степанянц М.Т.* Об одной реакционной концепции религиозного социализма // Вопросы философии. 1964. № 9. С. 78–88.
29. *Степанянц М.Т.* Социальная проблематика рассказов С.Х. Манто // Современная индийская проза. М.: Изд-во восточной литературы, 1962. С. 180–209.
30. *Степанянц М.Т.* Философия и социология в Пакистане. Очерки. М.: Наука, Главная редакция восточной литературы, 1967.
31. *Степанянц М.Т.* Философия ненасилия. Размышления о Ганди и его экспериментах // Коммунист. 1990. № 3. С. 106–112.

32. Феминизм: Восток–Запад–Россия / Ред. М.Т. Степанянц. М.: Восточная литература, 1993.
33. Философия буддизма. Энциклопедия / Отв. ред. М.Т. Степанянц. М.: Восточная литература, 2011.
34. Философия и наука в культурах Востока и Запада / Ред. М.Т. Степанянц. Вашингтон: Совет по исследованиям в области ценностей и философии, 2014.
35. A History of Muslim Philosophy / Ed. by M.M. Sharif. Vol. I–II. Wiesbaden: Otto Harrassowitz, 1963–1966.
36. A staff reporter. Soviet Academician on Iqbal's Philosophy // Pakistan Times. 21.12.1972.
37. American Friends Service Committee International Seminar. Poughkeepsie, 1961.
38. Feminism: East–West–Russia // Philosophy East & West: A Quarterly of Comparative Philosophy. 1992. Vol. 42. No. 2. P. 221–308.
39. Halbfass W. India and Europe. An Essay in Understanding. Albany: State University of New York Press, 1988.
40. Qadir C.F. Contemporary Pakistan Philosophy // The Pakistan Times. 24.12.1972.
41. Stepanyants M.T. Islamic socialism: the Pakistan way // Central Asian Review. 1965. Vol. XIII. No. 1. P. 55–61.
42. Stepanyants M.T. Lotoso Zviedas ant Delno. Vilnius: Mintis, 1973.
43. Stepaniants M. On the way to intercultural philosophy // Confluence: Online Journal of World Philosophies. 2016. Vol. 4. P. 240–256.
44. Stepanyants M.T. Pakistan: Philosophy and Sociology. Lahore: People's Publishing House, 1972.
45. Stepaniants M. The ideal of justice in the context of cultural dialogue // Justice and Democracy: Crosscultural Perspectives / Ed. by R. Bontekoe, M. Stepanyants. Honolulu: Hawaii University Press, 1997. P. 423–430.
46. Stepanyants M.T. The Islamic ethics and its social purport // Central Asian Review. 1966. Vol. XIV. No. 4. P. 294–305.
47. Zeno. As others see us // The Pakistan Times. 13.10.1972.

Источники

48. Архив РАН.
49. Гегель Г.В.Ф. Лекции по истории философии. В 2 т. Т. 1. СПб.: Наука, 1993.
50. XX съезд КПСС (14–25 февраля 1956 г.). Стенографический отчет. Т. 1. М.: Госполитиздат, 1956.
51. Hegel G.W.F. Vorlesungen über die Philosophie der Geschichte. Vol. 1. Leipzig: Meiner, 1944.

Stepanyants, Marietta T. *Philosophy: choice or destiny?*

References

1. Bocharov, A.B. (2023), From dialogue to polylogue (review of: Stepanyants, M.T. (ed.), Comparative Philosophy: From Comparative to Intercultural Philosophy, Moscow: Nauka; Vost. lit., 2022. 399 p.), *Solovyovskie issledovaniya*, no. 4 (80), pp. 179–193 (in Russian).

2. Frolov, I.T. (ed.) (1989), *Vvedenie v filosofiyu: Uchebnik dlya vysshix uchebnykh zavedeniy* [Introduction to Philosophy: Textbook for Higher Education Institutions], in 2 parts, Politizdat, Moscow (in Russian).
3. Stepanyants, M.T. (ed.) (2011), *Znanie i vera v dialogue kultur* [Knowledge and Faith in the Dialogue of Cultures], Council for Research in Values and Philosophy, Washington (in Russian).
4. Stepanyants, M.T. (ed.) (2009), *Indiyskaya filosofiya. Entsiklopediya* [Indian Philosophy. Encyclopedia], Vostochnaya literatura, Akadempromekt, Moscow (in Russian).
5. Malinov, A.V., & Rybas, A.E. (eds.) (2020), *Interkulturnaya filosofiya: polilog traditsiy* [Intercultural Philosophy: Polylogue of Traditions], Intersocis, St. Petersburg (in Russian).
6. Aleksandrov, G.F. et al. (eds.) (1941), *Istoriya filosofii* [History of Philosophy], in 2 vols., OGIZ - GOSPOLITIZDAT, Moscow (in Russian).
7. Motroshilova, N.V. (ed.) (1995–1998), *Istoriya filosofii: Zapad–Rossiya–Vostok. Uchebnoe posobie dlya studentov vysshikh uchebnykh zavedeniy* [History of Philosophy: West–Russia–East. A textbook for students of higher educational institutions], in 3 books, Greko-Latinsky kabinet, Moscow (in Russian).
8. Kolesnikov, A.S. (2009), Is intercultural philosophy possible?, *Vestnik Russkoy khristianskoe gumanitarnoe akademii*, vol. 10, issue 3, pp. 59–70 (in Russian).
9. Lepekhov, S.Yu. (2023), Possibilities and prospects of intercultural philosophizing: a review of the monograph “Comparative Philosophy: From Comparative to Intercultural Philosophy” (edited by M.T. Stepanyants), *Vestnik Rossiyskogo universiteta družby narodov. Seriya: Filosofiya*, vol. 27, no. 2, pp. 469–481 (in Russian).
10. Malinov, A.V. (2021), Intercultural philosophy: a polylogue of traditions, *Solovyovskie issledovaniya*, no. 4 (72), pp. 183–194 (in Russian).
11. Malinov, A.V. (2023), Intercultural polyphony in philosophy. Reflections on the book, *Voprosy Filosofii*, no. 11, pp. 34–43 (in Russian).
12. Malinov, A.V. (2021), Intercultural philosophy: an experience of thematization (review of the book: Stepanyants M.T. Intercultural Philosophy: Origins, Methodology, Problems, Prospects. Moscow: Nauka; Vost. lit., 2020. 183 p.), *Imagologiya i komparativistika*, no. 15, pp. 280–290 (in Russian).
13. Mitrokhin, L.N. (1962), *Amerikanskie mirazhi* [American Mirages], Molodaya Gvardiya, Moscow (in Russian).
14. Stepin, V.S. et al. (eds.) (2001), *Novaya filosofskaya entsiklopediya* [New Philosophical Encyclopedia], in 4 vols., Mysl, Moscow (in Russian).
15. Panfilova, T.V. (2020), Review of: M.T. Stepanyants. Intercultural Philosophy: Origins, Methodology, Problems, Prospects. Institute of Philosophy, Russian Academy of Sciences. Moscow: Nauka, Vost. lit., 2020. 183 p., *Voprosy filosofii*, no. 5, pp. 215–218 (in Russian).
16. Reznik, Yu.M. (2022), From over cultures philosophy to intercultural philosophy? (Reflections on the book by M.T. Stepanyants “Intercultural Philosophy: Origins, Methodology, Problems, Prospects”), *Problemy tsivilizatsionnogo razvitiya*, vol. 4, no. 2, pp. 88–100 (in Russian).
17. Reisner, I. (1931), Gandhi, in: *Malaya sovetskaya entsiklopediya* [Small Soviet Encyclopedia], vol. 2, Soviet Encyclopedia, Moscow, p. 383 (in Russian).

18. Rubets, M.V. (2023), Review of the round table-presentation of the collective monograph "From Comparative to Intercultural Philosophy", *Problemy tsivilizatsionnogo razvitiya*, vol. 5, no. 1, pp. 175–188 (in Russian).
19. Solovyov, E.Yu. (1984), *Nepobezhdymnyy yeretik (Martin Luter i yego vremya)* [The Undefeated Heretic (Martin Luther and His Time)], Molodaya Gvardiya, Moscow (in Russian).
20. Stepanyants, M.T. (ed.) (2022), *Sravnitel'naya filosofiya: ot sravnitel'noy k mezhkulturnoy filosofii* [Comparative Philosophy: From Comparative to Intercultural Philosophy], Nauka, Vost. lit., Moscow (in Russian).
21. Stepanyants, M.T. (ed.) (207), *Sravnitel'naya etika v globalnuyu epokhu* [Comparative Ethics in the Global Age], Council for Research in Values and Philosophy, Washington (in Russian).
22. Stepanyants, M.T. (1991), Eastern concepts of the perfect man in the context of world culture, in: *Istoriko-filosofskiy ezhegodnik. 1990* [Historical and Philosophical Yearbook. 1990], Nauka, Moscow, pp. 96–107 (in Russian).
23. Stepanyants, M.T. (2011), *Vostochnye filosofii. Uchebnik dlya vuzov* [Eastern Philosophies. Textbook for Universities], Akademicheskii proekt, Moscow (in Russian).
24. Stepanyants, M.T. (1966), Islamic ethics and its social meaning, *Voprosy filosofii*, no. 2, pp. 100–109 (in Russian).
25. Stepanyants, M.T. (1971), *Lotos na ladonyakh. Zametki o dukhovnoy zhizni indiy-tsev* [Lotus in the Palms. Notes on the Spiritual Life of Indians], Nauka, Glavnaya redaktsiya vostochnoy literatury, Moscow (in Russian).
26. Stepanyants, M.T. (2020), *Mezhkulturnaya filosofiya: istoki, metodologiya, problematika, perspektivy* [Intercultural Philosophy: Origins, Methodology, Problems, Prospects], Nauka, Vost. lit., Moscow (in Russian).
27. Stepanyants, M.T. (2020), Intercultural philosophy as the era grasped in thought, *Filosofskiy polilog: Journal of the International Center for Studying Russian Philosophy*, no. 1, pp. 11–25 (in Russian).
28. Stepanyants, M.T. (1964), On a reactionary concept of religious socialism, *Voprosy filosofii*, no. 9, pp. 78–88 (in Russian).
29. Stepanyants, M.T. (1962), Social problems of the short stories by S.H. Manto, in: *Sovremennaya indiy-skaya proza* [Modern Indian Prose], Publishing House of Oriental Literature, Moscow, pp. 180–209 (in Russian).
30. Stepanyants, M.T. (1967), *Filosofiya i sotsiologiya v Pakistane. Ocherki* [Philosophy and Sociology in Pakistan. Essays], Nauka, Main Editorial Board of Oriental Literature, Moscow (in Russian).
31. Stepanyants, M.T. (1990), Philosophy of non-violence. Reflections on Gandhi and his experiments, *Kommunist*, no. 3, pp. 106–112 (in Russian).
32. Stepanyants, M.T. (ed.) (1993), *Feminizm: Vostok–Zapad–Rossiya* [Feminism: East–West–Russia], Vostochnaya literatura, Moscow (in Russian).
33. Stepanyants, M.T. (ed.) (2011), *Filosofiya buddizma. Entsiklopediya* [The Philosophy of Buddhism. Encyclopedia], Vostochnaya literatura, Moscow (in Russian).
34. Stepanyants, M.T. (ed.) (2014), *Filosofiya i nauka v kulturakh Vostoka i Zapada* [Philosophy and Science in Eastern and Western Cultures], Council for Research in Values and Philosophy, Washington (in Russian).
35. Sharif, M.M. (ed.) (1963–1966), *A History of Muslim Philosophy*, in 2 vols., Otto Harrassowitz, Wiesbaden.

36. A staff reporter. Soviet Academician on Iqbal's Philosophy, *Pakistan Times*, 21.12.1972.
37. (1961), *American Friends Service Committee International Seminar*, Poughkeepsie.
38. (1992), Feminism: East–West–Russia, *Philosophy East & West Journal: A Quarterly of Comparative Philosophy*, vol. 42, no. 2, pp. 221–308.
39. Halbfass, W. (1988), *India and Europe. An Essay in Understanding*, State University of New York Press, Albany.
40. Qadir, C.F. (1972), Contemporary Pakistan Philosophy, *The Pakistan Times*, 24.12.
41. Stepanyants, M.T. (1965), Islamic Socialism: The Pakistan Way, *Central Asian Review*, vol. XIII, no. 1, pp. 55–61.
42. Stepanyants, M.T. (1973), *Lotoso Zviedas ant Delno* [Lotus Flower on the Palm], Mintis, Vilnius, (in Litvinian).
43. Stepaniants, M. (2016), On the way to intercultural philosophy, *Confluence: Online Journal of World Philosophies*, vol. 4, pp. 240–256.
44. Stepanyants, M.T. (1972), *Pakistan: Philosophy and Sociology*, People's Publishing House, Lahore.
45. Stepaniants, M. (1997), The Ideal of justice in the context of cultural dialogue, in: Bontekoe, R., & Stepanyants, M. (eds.), *Justice and Democracy: Crosscultural Perspectives*, Hawaii University Press, Honolulu, pp. 423–430.
46. Stepanyants, M.T. (1966), The Islamic ethics and its social purport, *Central Asian Review*, vol. XIV, no. 4, pp. 294–305.
47. Zeno, (1972), As others see us, *The Pakistan Times*, 13.10.